

БИБЛИОТЕКА ВСЕМИРНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

БИБЛИОТЕКА ВСЕМИРНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Серия основана в 2002 году

МИХАИЛ БУЛГАКОВ

Морфий
Собачье сердце
Повести и рассказы

Москва 2024

УДК 821.161.1-82
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Б90

Оформление *Н. Ярусовой*

Булгаков, Михаил Афанасьевич.
Б90 Морфий ; Собачье сердце ; Повести и рассказы / Михаил Булгаков. — Москва : Эксмо, 2024. — 640 с. — (Библиотека всемирной литературы).

ISBN 978-5-04-204147-1

В сборник вошли ранние и сатирические произведения Михаила Булгакова (1891–1940): «Записки юного врача», «Морфий», «Дьяволиада», «Роковые яйца», «Собачье сердце», «Записки на манжетах», избранные рассказы, роман «Жизнь господина де Мольера» и публицистические, важные для понимания позиции автора, его сложной писательской судьбы в Советской России статья «Грядущие перспективы» и «Письмо правительству СССР» 1930 года.

Книга содержит вступительную статью о жизни писателя от известного булгаковеда Мариэтты Чудаковой и ее комментарии к включенным произведениям.

УДК 821.161.1-82
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-204147-1

© Булгаков М. А., наследники, 2024
© Чудакова М.О., вступительная
статья, комментарии, 2024
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2024

Содержание

М. Чудакова. О Михаиле Булгакове

7

Жизнь господина де Мольера

33

ПОВЕСТИ И РАССКАЗЫ

Дьяволиада

219

Роковые яйца

258

Собачье сердце

335

Похождения Чичикова

430

Красная корона

443

Китайская история

449

Записки на манжетах

459

5

ХАНСКИЙ ОГОНЬ

498

ПЛОЩАДЬ НА КОЛЕСАХ

516

ЗАПИСКИ ЮНОГО ВРАЧА

519

МОРФИЙ

596

ПУБЛИЦИСТИКА

ГРЯДУЩИЕ ПЕРСПЕКТИВЫ

629

ПИСЬМО К СОВЕТСКОМУ ПРАВИТЕЛЬСТВУ

МИХАИЛА БУЛГАКОВА

632

КОММЕНТАРИИ

638

О МИХАИЛЕ БУЛГАКОВЕ

1

Этот писатель был почти неизвестен в своем отечестве до начала 1960-х годов.

Правда, были еще живы и даже находились в добром здравии некоторые из тех, кто помнил оглушительный успех мхатовских спектаклей по пьесе Булгакова «Дни Турбиных» в 1926–1928 гг. — с потрясающим Хмелевым и обаятельной Верой Соколовой. (Возобновление спектакля после многолетнего перерыва в 1954 г. на сцене Театра им. К. С. Станиславского уже не было событием — хоть и запомнился молодой Леонов в роли Лариосика.)

Но это было, собственно, и все, что знали, и то немногие, о Михаиле Булгакове. Первое за тридцать лет издание его сочинений — тонкая книжка, вышедшая в том же 1954-м — первом году «Оттепели», очень маленьким по тем временам тиражом (10000 экз.), включала только две из всех написанных блестящим драматургом пьес — «Дни Турбиных» и пьеса о Пушкине под неавторским названием «Последние дни» (авторское — «Александр Пушкин» — было, правда, дано вслед, в скобках).

В 1962-м вышла в ЖЗЛ «Жизнь господина де Мольера» (авторское заглавие — «Мольер»), с огромными купюрами, сделанными самой Е. С. Булгаковой, — мотив кровосмесительства для советской печати был неприемлем. А еще спустя год, в 1963-м, появилась совсем тонкая книжечка в бумажной обложке — «Записки юного врача». Она вышла в «Библиотеке «Огонька» (эта библиотечка рассылалась подписчикам журнала «Огонек» в качестве приложения); здесь тираж был побольше других изданий.

А через два года, в 1965-м, в № 8 «Нового мира» появилось не законченное автором сочинение — под названием «Театральный роман». Это был авторский, но предварительный

вариант заглавия, потом Булгаков предпочел ему, как видно из рукописи, другое — «Записки покойника». Современному читателю России, в Конституции которой записано: «Цензура запрещается» (статья 29, ч. 5), мы уже не будем даже пытаться объяснить, почему ни один советский цензор не пропустил бы в печать произведение под таким названием. Но *тогда* это понимали все. И Константин Симонов, отстаивавший публикацию, вспоминал позже свою мотивировку: «Лучше издать «Театральный роман», чем не издать «Записки покойника».

Блестящее, окрашенное неподражаемым комизмом сочинение, где за главными героями угадывались неприкасаемые в позднесоветские годы «родоначальники» МХАТа Станиславский и Немирович-Данченко, пленило всех подписчиков журнала «Новый мир». Их число измерялось уже сотнями тысяч. Читателей же в стране было больше сотни миллионов.

И в том же 1965 году вышла книга «Драмы и комедии». Счастливые обладатели небольшого томика (тираж 10 000) могли впервые прочитать пьесы «Бег», «Кабала святош», «Иван Васильевич»... И не давая им опомниться, выпустили осенью 1966 года многим памятный синенький том «Избранной прозы» Булгакова... Купить его в книжных магазинах сразу же стало невозможно. Лучшего вознаграждения, скажем, для врача от благодарного пациента в те годы не было. Советская власть, не давая возможности читать книгу всем желающим в нашей стране, торговала ею за валюту за границей в магазинах русской книги и у себя дома. Заземные иностранцы либо привозили ее из своих стран, либо покупали для подарка здешним знакомым в тогдашних московских магазинах «Березка» — за эту самую валюту¹...

¹ Вспомним «Мастера и Маргариту»: «— У нас только на валюту, — прохрипел швейцар». Атмосфера в этих носящих столь патристическое именование заведениях, где купить дефицитные товары можно было только на валюту или на специальные чеки — сертификаты, — точь-в-точь воспроизводила булгаковское описание Торгсина, и покупатель мог остановить привратник и попросить продемонстрировать валюту...

Но с «Мастером и Маргаритой» советская власть обошлась так, как и Коровьеву не придумать: около 60 машинописных страниц, изъятых из текста романа перепуганными редакторами журнала «Москва» под давлением цензуры, она официальным путем ПРОДАЛА ЗАРУБЕЖНЫМ ИЗДАТЕЛЬСТВАМ ЗА ВАЛЮТУ. И весь мир читал в переводах ПОЛНЫЙ текст романа, а соотечественники

В томе впервые после 1925 года, а кроме того — в полном, не обрезанном на треть объеме¹ был напечатан роман «Белая гвардия». Туда же вошли «Театральный роман», роман о Мольере, «Записки юного врача».

2

Киевский врач Е. Б. Букреев, учившийся с М. Булгаковым в Первой гимназии, а затем на медицинском факультете Киевского университета св. Владимира, рассказывал мне, что литературная карьера Булгакова была для его одноклассников «совершенной неожиданностью! ...Он никаких особенных способностей не обнаруживал...». (Это напоминает свидетельства современников о любимом писателе Булгакова — юном Гоголе, отправлявшемся в Петербург: «В то время мы ничего особенного в нем не видели».)

Во всяком случае, попав в 1916 году, после окончания университета, в качестве земского врача в село Никольское, а затем в городскую больницу Вязьмы, он стал писать.

По-видимому, еще в Вязьме, во второй половине 1917 года, Булгаков начал работу над сочинением, получившим название «Недуг». Рукопись с этим названием настойчиво упоминается в письмах Булгакова родным 1921 года. Кузену Константину Булгакову он сообщает из Владикавказа 16 февраля 1921 г.: «Сейчас я пишу большой роман по канве «Недуга». Т. Н. Кисельгоф (первая жена Булгакова) говорила мне во время одной из наших бесед в Туапсе: «Недуг» — это, по-моему, про морфий». Об этом же говорила сестра писателя Н. А. Земская². Хорошо знавший Булгакова еще во Владикавказе в 1920—1921 гг. писатель Юрий Слезкин вспоминал в дневнике о первых москов-

писателя до 1973 года (когда удалось наконец выпустить однотомник с тремя романами) должны были довольствоваться обкорнанным. Елена Сергеевна Булгакова рассказывала мне, как она плакала, увидев изуродованный текст. И добавила: «И машинистки журнала плакали, делая эти кушоры, — они уже полюбили роман, резали по-живому...»

¹ Журнал «Россия», в котором в 1925 году печатался роман «Белая гвардия», закрылся, и уже набранная в № 6 последняя треть романа осталась ненапечатанной.

² *Яновская Л.* Творческий путь Михаила Булгакова. М., 1983. С. 82—83.

ских годах Булгакова: «Читал свой роман о каком-то наркомане».

Можно уверенно говорить об одном — литературная ситуация первых советских лет с ее жесткими цензурными требованиями быстро показала, что *большой жанр* с центральным героем-наркоманом в новых условиях невозможен: такой роман не мог быть напечатан. Жанровые рамки замысла были преобразованы. А материалом *романа*, получившего крайне дерзкое для середины 20-х годов заглавие «Белая гвардия», стала Гражданская война.

Рассказ «Морфий» прямо связан с биографическими обстоятельствами — с возникшей еще в 1916–1917 гг. привычкой к морфию (после одного укола, который должен был снять боль и зуд от введенной Булгакову во время врачебной практики в селе Никольском противодифтеритной сыворотки). Возникнув еще в 1916 году, она разрушительно действовала на него вплоть до 1918-го, когда ему удалось наконец при помощи жены *полностью* победить зависимость.

Известно, что поздней осенью 1917 года Булгаков побывал в Москве — он увидел ее вскоре после октябрьских боев, под новой властью.

События, перевернувшие российскую жизнь, совпали с упомянутой тяжелейшей личной коллизией. Не исключим того, что поездка в Москву, помимо главной цели — попытки освободиться от службы — была связана также и с болезнью: возможно, тайно от родных Булгаков рассчитывал провести какое-то время в клинике у знакомого врача или хотя бы проконсультироваться. Возможно, рассказ «Морфий» (начатый автором в эти годы, но известный только в редакции 1927 года — по первой публикации) имеет еще более серьезную автобиографическую подоплеку, чем это явствует из заглавия и из дневника героя рассказа — погибающего на почве морфинизма доктора Полякова. В рассказе доктор осенью 1917 года добровольно ложится в психиатрическую лечебницу, чтобы пройти курс лечения. Октябрьские бои он воспринимает сквозь дымку болезни — и таким образом и запечатлевает их в своем дневнике: «14 ноября 1917 г. Итак, после побега из Москвы из лечебниц доктора... (фамилия тщательно зачеркнута) я вновь дома. Дождь сеет пеленой и скрывает от меня мир. И пусть скроет его от меня. Он не нужен мне <...>. Стрельбу и переворот я пережил еще в лечебнице» — и упоминает о «бое на улицах Москвы».

Примечательно, что первую инъекцию наркотика герой рассказа делает *за неделю* до начала революционных событий февраля 1917 года — *будто заранее готовя себе анестезию*.

События февраля — марта, а затем октября — ноября 1917 года восприняты сквозь дымку болезни, помрачающей сознание героя рассказа. Личная коллизия, возможно, помогла выбрать нужный автору ход — отстраняющий героя от событий. Возможно, уже в литературных опытах 1917—1918 годов, еще *до* событий начала 1920 года, был найден тот угол зрения на революцию, который оказался столь художественно значимым для автора, — герои Булгакова переживают ее, *болея*, и сама она предстает *как феномен болезни* («Записки на манжетах», 1923; «Морфий», 1927).

В то же время, заметим, этот сюжетный ход, отстраняющий, повторим, героя от самих событий и от прямой, на трезвую голову, их оценки помогал преодолеть цензурные условия советского времени.

Доктор Бомгард, от имени которого ведется повествование, печатает завещанные ему дневниковые записи коллеги в то время, когда «тело Полякова давно истлело, а память о нем совершенно исчезла». Страх безвестности, гибели *прежде* самоосуществления — глубоко личный, биографический мотив, рано явившийся в творчестве писателя. Мотив этот станет постоянным, пройдет через разные произведения.

Рассказ пронизан редким для литературы советского времени ощущением мимолетности человеческой жизни — *sub specie aeternitatis*¹. Этот авторский взгляд ко времени печатания «Морфия» уже проявился и в раннем финале повести «Роковые яйца» («...Но потом имя профессора Владимира Ипатьевича Персикова оделось туманом и погасло...»), и в финале «Белой гвардии» («...звезды останутся, когда и тени наших тел и дел не останется на земле. Звезды будут так же неизменны, так же трепетны и прекрасны...»).

Рассказ тематически и сюжетно примыкает к циклу «Записок юного врача» — одному из самых ранних замыслов и литературных опытов Булгакова. «Записки» были начаты или, во всяком случае, задуманы еще в 1916—1917 гг. — в Никольском и Вязьме.

¹ С точки зрения вечности (*лат.*) — крылатое латинское выражение.

Татьяна Николаевна рассказывала мне о том, как в сентябре 1916 года они ехали из уездного городка Смоленской губернии на место новой службы Булгакова — в сельскую больницу, — и о тех реальных ситуациях, которые отразились в будущем цикле рассказов.

«Была жуткая грязь, 40 верст ехали весь день. В Никольское приехали поздно, никто, конечно, не встречал. Там был двухэтажный дом врачей. Дом этот был закрыт; фельдшер пришел, принес ключи, показывает — «вот ваш дом»...» Дом состоял из двух половин с отдельными входами: рассчитан он был на двух врачей, необходимых больнице. Но второго врача не было.

«Наверху была спальня, кабинет, внизу столовая и кухня. Мы заняли две комнаты, стали устраиваться. И в первую же ночь привезли роженицу! Я пошла в больницу вместе с Михаилом. Роженица была в операционной; конечно, страшные боли; ребенок шел неправильно. Я видела роженицу, она теряла сознание. Я сидела в отдалении, искала в учебнике медицинском нужные места, а Михаил отходил от нее, смотрел, говорил мне: «Открой такую-то страницу!» А муж ее сказал, когда привез: «Если умрет, и тебе не жить — убью». И все время потом ему там грозили.

В следующие дни стали приезжать больные, сначала немного, потом до ста человек в день...»

Отношения с крестьянами не были идиллическими.

Больница в это время имела 24 койки (и еще 8 коек для острых инфекций и две родильных), операционную, аптеку, библиотеку, телефон... Был отличный инструментарий, выписанный стараниями предшественника Булгакова — Леопольда Леопольдовича Смрчека, чеха, выпускника Московского университета, проработавшего в Никольском более десяти лет. «Я успел обойти больницу и с совершеннейшей ясностью убедился в том, что инструментарий в ней богатейший... — расскажет позже Булгаков в «Записках юного врача». — Гм, — очень многозначительно промывчал я, — однако у вас инструментарий прелестный. Гм... — Как же-с, — сладко заметил Демьян Лукич, — все это стараниями вашего предшественника Леопольда Леопольдовича. Он ведь с утра до вечера оперировал. В кабинете же «легендарного Леопольда» шкаф «был битком набит книгами. Одних руководств по хирургии на русском и немецком языках я насчитал около тридцати томов...» («Полотенце с петухом»).

Размещалась больница в бывшем помещицьем доме. Больницу окружал лиственничный парк. Несколько уцелевших огромных лиственниц местные жители и сегодня называют «немецкими елками» — именно по ним (больше их нет в тех краях нигде!) в 2001 году участники «Булгаковских чтений в Вязьме» (организованных общественным Фондом Булгакова) нашли то место, где стояла больница, разрушенная бомбардировками 1941–1942 гг.

На другом берегу речки, дугой огибавшей территорию больницы, находился заповедник. (Ср.: «...Ворвался, топоча, как лошадь, Егорыч в рваных сапожищах и доложил, что роды происходят в кустах у Заповедника над речушкой». — «Пропавший глаз».)

С трех сторон больницу окружал лес, а с четвертой лес быстро кончался, и за лугом в версте видна была деревня Никольское. С другой стороны, за заповедником, в полутора верстах — имение Муравишники и деревня Муравишиново.

Жизнь была не такая все-таки одинокая и замкнутая, как может показаться при чтении «Записок юного врача», работу над которыми — под заглавием «Наброски *земского* врача» — Булгаков начал, по-видимому, в этом же 1916 году.

Нет сомнений, что молодого врача подогревал на его начинающемся литературном пути и руководил его выбором темы всероссийский успех вышедших за 15 лет до этого времени «Записок врача» его старшего коллеги — В. В. Вересаева. «Записки врача», — вспоминал впоследствии Вересаев, — дали мне такую славу, которой без них я никогда бы не имел и которой никогда не имели лучшие писатели, гораздо более меня одаренные. <...> Назовешь свою фамилию мало-мальски грамотному человеку — радостно-изумленное лицо: — Автор «Записок врача»?! <...> Успех «Записок врача» был небывалый. Одно издание за другим расхватывалось моментально. Общей прессой — без различия направлений и вплоть до самых «желтых» уличных газет — книга была встречена восторженно». Булгаков несомненно питал надежду повторить этот успех.

В 1921 году, сначала оказавшись в 1919 году в качестве военврача в Белой армии, а затем — в качестве драматурга, пишущего в том же Владикавказе уже для советской сцены, он упоминает в одном из писем родным, что в Киеве «в письменном столе у меня остались (т. е. — с осени 1919 года, когда он покинул Киев. — М. Ч.) две важных для меня рукописи: Наброски земского врача и «Недуг».

Следующее упоминание о раннем замысле — в письме к матери от 17 ноября 1921 года, через полтора месяца после приезда в Москву: «По ночам урывками пишу Записки земск<ого> вр<ача>.

Может выйти солидная вещь. Обрабатываю «Недуг»...»

Только в августе 1925 года, однако, Булгаков вернулся к оставленному на несколько лет циклу и напечатал один из рассказов — «Стальное горло». А затем и следующие — в мало кому известном журнале «Медицинский работник».

Спустя 23 года после смерти автора, в 1963 году, рассказы, собранные Е. С. Булгаковой по сохранившимся в его архиве первым публикациям, вышли отдельным изданием (Записки юного врача. Рассказы. М., 1963). Однако тогда в состав книги не вошел рассказ «Звездная сыпь», первой публикацией которого вдова писателя, по-видимому, не располагала. Да и цензурные условия не располагали к тому, чтобы легко напечатать рассказ о широком распространении сифилиса в русской деревне (для советской цензуры, описать установки которой очень и очень трудно, не имело значения, что речь идет о *царской* России...).

3

31 декабря 1917 г. Булгаков напишет сестре Наде: «Недавно в поездке в Москву и в Саратов мне пришлось все видеть воочию и больше я не хотел бы видеть.

Я видел, как серые толпы с гиканьем и гнусной бранью бьют стекла в поездах, видел, как бьют людей. Видел разрушенные и обгоревшие дома в Москве... Тупые и зверские лица... <...> Все воочию видел и понял окончательно, что произошло».

Так — открытыми глазами, не дав затуманить их захватившими многих его соотечественников надеждами на достижение всеобщей справедливости насильственными кровавыми мерами, увидел Булгаков трагическое настоящее и будущее своей страны.

Два года спустя, в ноябре 1919 года, уже будучи военврачом Добровольческой армии на Северном Кавказе, в *первом* своем литературном выступлении в печати (в газете «Грозный») Булгаков сразу вошел в сердцевину спора о корнях большевизма в России — спора, не конченного до сих пор.

Важнейший мотив первого выхода Булгакова в печать — статьи «Грядущие перспективы» — мотив *вины общенациональной*. Подспудная мысль автора — *все соотечественники повинны в ка-*

тастрофе, постигнувшей Россию, — Октябрьском перевороте и Гражданской войне. Одни — тем, что к ней активно толкали («одурачивали» полуграмотных людей идеей насильственного переустройства страны на началах всеобщей гармонии), другие — тем, что пошли на братоубийство, третьи — безмолвным попустительством этому... Булгаков не ищет внешнего источника наших внутренних событий. В отличие от многих и многих (и тогда, и столетие спустя), всю ответственность за случившееся он возлагает на свой народ, сурово обвиняя его за податливость к «одурачиванию».

Статья подводила итоги пережитого за 1917–1920 гг. и была окрашена мрачными ожиданиями. «Вина» и «плата» — два важнейших в ней понятия. Перечитайте конец статьи: вы увидите, что автор — не только очень талантливый писатель, но и умнейший человек (что далеко не всегда дается в одном наборе) — объясняет нам, что мы платим сегодня отнюдь не за 1990-е годы, а за 1917–1920 гг.

4

Оба младших брата Булгакова — Николай и Иван — воевали в Добровольческой армии и в результате ее поражения вынуждены были осенью 1920 года навсегда покинуть Россию. Их судьба была одним из самых сильных и постоянных личных переживаний Булгакова. Острее всего они откликнулись в рассказе «Красная корона».

Два подчеркнута точных указания в тексте ведут к младшему брату Ивану как прототипу этого персонажа — «Ему 19 лет» и «Я старше его на десять лет». 24 марта 1922 г. Булгаков пишет сестре Наде в Киев в ответ на письмо ее и сестры Вари от 3 марта: «Не могу выразить, насколько меня обрадовало известие о здоровье Вани» (собр. соч. Т. 5. С. 410). В этой фразе, бесспорно, — отклик на полученные впервые с момента отступления Добровольческой армии из Крыма известия о том, что и младший брат — жив. Только после точного известия о его судьбе, на наш взгляд, Булгаков мог решиться делать мнимую смерть брата материалом для рассказа «Красная корона» — одного из первых рассказов, напечатанных в Москве. Булгаков приехал в Москву осенью 1921 года, «чтобы остаться в ней навсегда», как пророчески написал он в автобиографии 1924 г. (советская власть никогда не выпустила его в Европу, которую он так мечтал увидеть).

Этот рассказ — самое значительное произведение Булгакова из напечатанных им в 1922 году, в год третьего, и окончательного, дебюта, после двух предшествующих, — «белого» (1919 г.) и «красного» (1920 г.). Оба этих дебюта были им самим по двум разным причинам преданы забвению.

В рассказе — рано сформировавшееся ядро художественного мироощущения Булгакова. Мотивы *вины* (порожденной роковыми историческими событиями) и неизбежной *расплаты*, очевидные в первом же печатном выступлении Булгакова, в рассказе впервые получают сюжетную разработку, дополнившись мотивами *искупления* и *покая*. «Ты умный и давно уже понимаешь, что *все это — безумие*». «Безумие» исторической жизни России проецируется на биографию героя рассказа. Его приводит к помрачению (фельдшерница говорит, что он — «безнадежен») сознание личной двойной вины, — не прямой, а косвенной, близкой к ощущению своей вины героями Достоевского: он чувствует себя повинным в гибели брата (которого должен был остановить) и даже в гибели незнакомого рабочего-большевика, повешенного на фонаре, — поскольку «ушел, чтобы не видеть, как человека вешают, и страх ушел со мной на гнущихся ногах». Его *безумие* — это вариант *болезни*, одного из двух (наряду со *сном*) главных булгаковских сюжетно-фабульных ходов. Сами же события исторической жизни России многозначительно выступают в виде «истории болезни» (подзаголовок «Красной короны»: *Historia morbi*). Сюжетный ход душевной болезни, связанной с чувством вины и поиском искупления, войдет впоследствии в пьесу «Бег», черты главного героя которой Хлудова намечены в «господине генерале» «Красной короны». Его же можно различить в Пилате «Мастера и Маргарите»; и во всех этих произведениях разных лет — *навязчивый сон* или *забытие* героя, в котором *переигрывается* прошлое и появляется надежда избавиться от мук совести.

5

В 1929 году в незаконченном наброске «Тайному другу», подчеркнуто автобиографическом (хотя и с заменой реальных имен, названий газет и т. п.), автор вспоминал, как в первые свои московские годы «сочинил нечто — листа на четыре приблизительно печатных. Повесть? Да нет, это была не повесть, а так, что-то такое вроде мемуаров». С большими усилиями он пробует ее напечатать. «Три месяца я ждал выхода рукописи

и понял, что она не выйдет. Причина мне стала известна, над повестью навис нехороший цензурный знак».

За этими строчками — «Записки на манжетах». С первой их частью, посвященной жизни в 1919–1921 гг. на Кавказе, Булгаков приехал в Москву, с этой рукописью пришел к первой своей московской машинистке. В этом городе стал писать — по следам тревожных голодной московской жизни — вторую их часть.

Герой «Записок...», от лица которого ведется повествование, лишен предыстории (как впоследствии — Мастер). Прежний статус отменен, новый — еще не сложился.

Этот персонаж — некто, но не никто. У него есть прошлое, но в новых условиях оно непредъявимо. Бывший статус героя — часть разрушенной иерархии — вызывающе зафиксирован в самом названии сочинения: «Записки на манжетах». Какие манжеты?..

Дневниковый характер «Записок...», полных по этой причине недоговоренностей, требует интенсивного читательского внимания к тексту. Автор заставляет читателя *доставивать* оставленное за его пределами. Если антипод Булгакова в литературном поле 20–30-х годов Михаил Зощенко подстраивает в «Голубой книге» историю человечества под нового, недавно обучившегося грамоте читателя, то Булгаков обращается через голову *нового* читателя к *своему* читателю, способному легко распознать в его сочинении реминисценции как из Пушкина, так и из авторов «Сатирикона».

Сама уверенность авторского тона перенята им у прежних авторов — Аверченко, Дорошевича или Яблонского, привычно рассчитывавших на уважительное внимание постоянных читателей субботнего фельетона...

Выдвинутость безымянного или безвестного автора на авансцену — в облике предельно сближенного с ним героя — стала постоянной и все усложняющейся чертой художественного мира Булгакова.

6

В начале 1920-х годов появилась привлекавшая благосклонное внимание советской критики повесть Вс. Иванова «Бронепоезд 14-69». Среди ее персонажей — китаец, не говорящий по-русски, но таинственным образом (так называемым *классовым чутьем*) понявший, что его место — на стороне красных партизан.

По справедливому предположению Элендеи Проффер (издательницы собрания сочинений Булгакова в США на русском языке — за несколько лет до нашего, возможность которого появилась только с Перестройкой), именно этот персонаж мог послужить полемическим импульсом для рассказа Булгакова «Китайская история».

Там трактовка Вс. Иванова резко оспорена — булгаковский китаец (ходя¹) попадает в Красную армию, накурившись опиума и оставшись из-за него зимой без одежды и обуви...

Стремясь в условиях советской подцензурной печати выразить *свой*, а не официозный взгляд на революцию и Гражданскую войну, Булгаков подспудно поставил под сомнение (как четыре года назад в «Грядущих перспективах» в «белой» газете — открыто) теорию мировой революции, опирающуюся на представление о том, что классовые узы очевиднее и прочнее национальных, этнических.

Он показывает вопреки уже сложившемуся в печати стереотипу, что виртуозная стрельба китайца не имеет ни малейшей идеологической мотивировки, в том числе и международной солидарности пролетариев. Его смерть — не осознанная жертва во имя революции, а трагический результат жестокой манипуляции человеческой жизнью. Перед нами — трагедия одной отдельной и единственной человеческой жизни, поимовольно вовлеченной в борьбу активных действующих и сгорающей в пламени социального катаклизма.

Подспудно же оспорена и распространившаяся в эти именно годы в среде эмигрантов концепция евразийства (она утверждала, как и сегодня, бóльшую близость России к Азии, чем к Европе). У Булгакова Восток оказывается миром далеким и столь же чуждым России, как она ему. Вскоре он еще жестче (несомненно в противовес доминирующему официальному лозунгу, печатавшемуся рядом с заголовками газет и журналов, — «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!») проявит свое представление об особости азиатского мира и опасности пренебрежения этой особостью в пьесе «Зойкина квартира» (1926–1928), где «китайский» мир становится страшным, кли-

¹ *Ходя* — ходячее, уличное именование китайцев в России; происходит от китайского *huoji* — приказчик, продавец; укрепилось в языке, возможно, под воздействием народной этимологии (тот, кто *ходит*, быстро снует туда-сюда, разнося товары).

ном входя в толщу чуждого ему российского (с точки зрения Булгакова — европейского) мира.

Победа юнкеров в маленьком эпизоде Гражданской войны для автора рассказа — несомненно, принципиально важный сюжетный ход. Отметим, что ни в одном из его произведений красные и белые не окажутся более в прямом столкновении.

7

Среди «малой прозы» Булгакова 1920-х годов рассказ «Ханский огонь» стоит особняком. В нем есть какая-то неясность. Точка зрения и оценки автора непривычно для поэтики Булгакова колеблются и дают почву для огрубленных толкований.

Рассказ прежде всего — одна из первых попыток пробиться к построению «большого жанра» на материале современности, один из первых опытов внеличного, эпического повествования о современности. Внутренние интенции автора соединились с его стремлением учесть предугадываемое цензурное давление. Тяготение к объективности, то есть гармонизации, обращало к Пушкину. Сквозь построение рассказа просвечивает незаконченный роман Пушкина «Дубровский»¹.

В булгаковской прозе начала 1920-х годов складывается оппозиция *прежней* России — *новой*: образованности, компетентности, привычки к устроенному быту как норме противоположены невежество, темнота, скудный и пьяный быт как залог деструкции и хаоса.

Структура российского общества разрушена. Воздвигается иная, где «научный Эртус» (повествование пропущено через сознание Ионы), «образованный человек в таких же самых очках, как и князь», в восприятии Ионы уже занял место его барина — как представитель установившейся власти.

Выкинутый за пределы своей страны Тугай-Бег (подчеркнуто тюркское происхождение фамилии — для Булгакова безразличное и в его собственной фамилии) смириться с этим не может. И автор холодно-беспощадно изображает, как Тугай-Бег, захваченный несбыточной мечтой о скорой мести *всем* крестьянам и т. п., «стал диковинно похож на портрет раскосоного в ермолке» (фамильный портрет татарского хана — его

¹ Подробнее об этом: Чудакова М. Пушкин у Булгакова и «соблазн классики». В кн.: Лотмановский сборник. I. М., 1995. С. 539–545.

предка). Решившийся на сожжение — из мести — своей усадьбы, Тугай-Бег обнажает печать Азии: «Глаза его косили, как у Хана на полотне...».

Разрушение, любое движение к повторению кровавого хаоса в глазах Булгакова отбрасывает Россию от цивилизованного, европейского — в азиатское (в его понимании — варварское наследие России) и отвергается им.

Неотвоеванное с оружием в годы Гражданской войны — потеряно. Эртус в кабинете князя — малоприятное зрелище и для автора рассказа. Но он — победитель, и поздно пытаться выдворить его из этого кабинета. Любые попытки неизбежно поведут в России к тому, что привиделось во сне, очень близко к яви, герою романа «Белая гвардия» Алексею Турбину: «Затем показался в багровом заходящем солнце повешенный за половые органы шинкарь-еврей».

8

18 октября 1924 года Булгаков записывал в дневник: «Сегодня день потратил на то, чтобы получить 100 рублей в «Недрах». Большие затруднения с моей повестью-гротеском «Роковые яйца». Ангарский подчеркнул мест 20, которые надо по цензурным соображениям изменить. Пройдет ли цензуру. В повести испорчен конец, п [отому] ч [то] писал я наспех».

27 декабря того же года автор читает повесть на заседании известного московского литературного кружка «Никитинские субботники». «Когда шел туда, ребяческое желание отличиться и блеснуть, а оттуда — сложное чувство. Что это? Фельетон? Или дерзость? А может быть, серьезное? Тогда не выпеченное. <...> Боюсь, как бы не саданули меня за все эти подвиги «в места не столь отдаленные» (дневниковая запись в ночь на 28 декабря 1924 г.).

История *конца* повести заслуживает внимания. Сохранилось свидетельство мемуариста — юного соседа Булгакова по квартире в доме на Б. Садовой, — слышавшего осенью 1924 года конец повести в устной импровизации автора. Сообщал по телефону якобы написанный конец редактору, с нетерпением дожидавшемуся рукописи. В «телефонном» варианте «повесть заканчивалась грандиозной картиной эвакуации Москвы, к которой подступают полчища гигантских удавов. В напеча-